

Юрий Рерих, 1920-е годы

СВЯЗЬ МЕЖДУ ДУШАМИ ВРЕМЯ НЕ В СИЛАХ УНИЧТОЖИТЬ

Письма Марсель Манциарли к Юрию Рериху
1923-1925

1

14 [февраля] 1923

Ю-Ю, мой мальчик,

Я ничего не буду говорить тебе в этом письме, потому что ты знаешь, что я чувствую, я просто хочу, чтобы ты знал, что я думаю о тебе, что я знаю, что ты несчастен и что я охватываю тебя своей любовью, словно нежным пламенем, чтобы ты мог снова согреться, отдохнуть от напряжения и знать, что ты больше не одинок.

Наша история прекрасна. Мы прошли сквозь тяжкие испытания, но у нас есть силы, и потом, разве важно, что ноги разбиты в кровь, когда перед тобой заснеженная вершина святой горы.

Мое сердце охватывает твое, как твое кольцо — мой палец, и наша жизнь принадлежит нам, мы можем сделать из нее нечто великолепное, но за это надо заплатить соответствующую цену. Не думаешь же ты, что жемчужное ожерелье стоит столько же, сколько медное?

Я знаю, что ты предназначен для меня, и ты знаешь, что я принадлежу тебе и что наша связь не только в нас самих, но и в Учителе, а Учитель добр, и мы должны позволить вести себя как бедных овец, каковыми мы и являемся для Тех, кто видит. Свет — это единственное условие, при котором покой может стать нашим делом.

Ты страдаешь, мой мальчик, и мои руки не искусны в залечивании ран, но моя любовь может сделать многое, потому что она сильнее, чем боль, сильнее, чем разлука.

Я хотела бы, чтобы мир воцарился в твоём сердце и чтобы ты знал, что во мне ты всегда найдешь существо, которое утешит тебя в горе и порадуется твоей радости. Моя нежность огромна и моя любовь бесконечна. И то, что дал нам Учитель, не будет у нас отнято.

Обнимаю тебя, мой бедный раненый мальчик.

Мара

Суббота, 9 июня 1923

Тилуль,

Я так рада была получить ваше письмо вчера вечером. Я знала, что вы мне напишете, и ждала известий от вас. Бедный мальчик, как мне жаль вас, что вы находитесь в столь неприятном и ханжеском месте, но вы должны знать, что я непрерывно думаю о вас.

В четверг я взяла урок у Нади и вернулась к себе, путешествуя в мыслях вместе с вами. В пятницу я обедала у Блешей¹ и записалась на Венский конгресс². Я не пошла к Мартэнксу, который отменил распоряжение и перенес прослушивание на вторник утро. Таким образом, я спокойно вернулась к себе и погрузилась в изучение Александрийской школы. Я открыла в себе страсть к Востоку.

Я много работаю, много читаю, конспектирую. Следуя вашему совету, я приступила к словарю Религий и Эпических учений, и мне это чрезвычайно интересно.

Вот как прошел «наш день». Настроение хорошее, но все равно я чувствую себя довольно усталой и утомленной как морально, так и физически. Париж пуст без вас, и я с удовольствием уеду отсюда. Думаю поехать в Англию 21-го. Ио³ придет не раньше чем завтра, надо прожить еще целый день и ночь!

Мой мальчик, ну почему нужно, чтобы вы были в Виши, а я — в Париже?

Вчера я готовила чай, и мне казалось, что вы рядом. Вспомните наши после-полуденные часы и наши чаепития. Прошлое встает в памяти как что-то очень свежее, очень светлое и полное жизни, а будущее видится чем-то еще большим, еще более светлым. Мы находимся в начале жизненного пути — вы и я — и вступаем в жизнь с благословением Учителя. И огромный дар вручил нам Учитель, приведя одного из нас на путь другого.

Не говорите, что вы чувствуете себя одиноко, если бы вы знали, как в сердце я рядом с вами, как думаю о вас — я хотела бы, чтобы вы ощутили всё тепло моей нежности, которая окружает вас, мой маленький мальчик. Я хотела бы быть с вами и приласкать вас, но... разлука, вероятно, тоже имеет свой смысл. Вся наша история так прекрасна, и мы были столь чудесным образом ведомы свыше, что надо предать всё в руки Учителя. И я чувствую себя, более чем когда-либо, маленьким мерцающим огоньком, который Учитель оберегает и держит в своих руках. Наше будущее блестяще и горизонты бесконечны. Что будет во втором акте? Глубоко во мне живет Надежда, потому что я люблю Учителя, потому что я люблю вас и потому что знаю, всё, что исходит от Него, — всё великолепно. Пишите мне снова поскорее — жду ваших писем.

Мальчик мой славный, не грустите слишком — всё хорошо, и мы увидимся, может быть, в Вене — скоро.

До свидания, Тилуль, — я не забываю тебя, и я тебя люблю.

Мара

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Мадам Блеш была членом Международного ордена «Звезда Востока», основанного в 1911 г. Возглавлял орден индийский религиозный мыслитель Джидду Кришнамурти (1896-1986).

2. Речь идет о совместном съезде теософов и ордена «Звезда Востока», который должен был проходить в июле 1923 года в Вене.

3. Иоланта, сестра Марсель Манциарли.

3

Суббота, 16 июня 1923

Мой мальчик,

Спасибо за сведения относительно Саминского — я очень довольна тем, что вы сообщили, это совпадает со сведениями Бурга. Будьте спокойны — я не буду иметь с ним никаких дел.

Очень хотела бы знать, знакомы ли вы с махараджей из Алвара — ответьте на мой вопрос, пожалуйста.

Я с трудом привыкаю к деловому тону ваших писем. Почему у вас никогда не найдется ласкового слова, посердечнее — я не упрекаю вас, но мне нужно к этому привыкнуть. Я послана на ваш путь Учителем, чтобы смягчить вас. Я знаю, что это мое предназначение, а ваше — сделать мой характер более твердым. И порой меня охватывает безграничное желание найти в вашем письме немного более нежное слово. Мне так хочется увидеть вас, я столько о вас думаю и мне вас так не хватает — вы знаете об этом. Я жду ваших писем с нетерпением, и когда я открываю их, у меня всегда бывает чувство разочарования, не потому, что мне кажется, будто вы меня забыли, но потому что у меня возникает впечатление, что я не вправе писать вам непосредственно то, что чувствую, но тоже должна соблюдать дистанцию, которую соблюдаете вы.

А мне так хочется писать вам от всего сердца.

Возможно, правы именно вы.

Я попросила Изабель дать мне адрес Святого из Италии, у нее его нет, но она его узнает.

Мы с Ио занимаемся целыми днями и просто умираем от усталости. Я, вероятно, в пятницу уеду в Лондон — как бы я была рада отдохнуть, увидеть Кришну и Нитью¹, немного успокоиться.

Вчера я была на русском балете с Роланом-Манюэлем (который прислал мне билет), с Капле и сестрой Тэффер. Смотрела «Свадебку» Стравинского — это произведение совершенно в его духе, но звучность четырех фортепьяно ошеломляет. Музыка очень интересная и сильная. Цвета исключительно черный и белый — это дает впечатление скорби и бесконечной грусти. Сюжет — освящение помолвленных. У меня еще нет определенного мнения — нужно посмотреть это еще раз. Поразительно, но Стравинский снова взял себя в руки, и это чувствуется. Есть очень интересные созвучия.

Мои зубы больше не болят, моя печень тоже. Вы должны пойти к моему дантисту перед отъездом в Индию — я уверена, что вам хуже.

Мне нечего больше сказать вам, кроме того что я думаю о вас, мечтаю о вас. Наверное, я кажусь сентиментальной.

Скажу вам только: пишите мне.

Всегда ваша

Мара

1. Кришна — Джидду Кришнамурти. В июне 1923 г. Кришнамурти и его младший брат Нитьянанда (Нитья) находились в Англии.

4

[Лондон, начало июля 1923]

Мой мальчик,

Я пишу вам, не дожидаясь вашего письма, потому что расстояния увеличиваются, требуется много времени, чтобы письма достигли адресата, а я не могу ждать так долго, прежде чем написать вам снова.

Я очень без вас скучаю, как бы мне хотелось вас увидеть, если б вы знали. Вы так тесно связаны с моим первым глубоким общением с Учителем. Необходимость укрепиться духом в чудной атмосфере тех вечеров, когда вы сидели за письменным столом, а вокруг была тишина и полумрак, вечеров, которые казались мне бесконечными, как никогда притягивает меня к вам.

Я думаю об этих вечерах, как о чем-то лучезарном.

Что нас ждет в будущем?

Я практически не вижу мальчиков¹, они приходят часто, но я никогда не остаюсь с ними с глазу на глаз и не могу серьезно поговорить. Кришна стал гораздо сильнее. Индивидуальности больше ничего для него не значат — только их творения, и он анализирует, насколько окружающие способны ему помочь.

Я пытаюсь повзрослеть, но чувствую себя земляным червем. И испытываю ужасную тоску при мысли, что у Учителей в качестве инструмента есть только мы, такие несовершенные, такие маленькие.

Как бы мне хотелось вновь вас увидеть — вы придали бы мне мужества.

Мне приятно думать, что скоро я поеду в горы Тироля. Это успокоит мои нервы, сильно расшатанные. Думаю, из-за них я чувствую себя немного подавленной, а может, это Лондон наводит хандру. Но я знаю, что была бы гораздо более подавленной, останься я в Париже совсем одна.

Жду вашего письма, пишите мне.

Я люблю вас, мой мальчик.

Ма

Вот адрес Падре Пио². Это в окрестностях Фоджии в Умбрии. В Фоджии достаточно спросить монашью Падре Пио — все его знают. Лучше всего постараться подойти к мессе, это единственный момент, когда стигматы на руках Падре будут открыты. Вот — надеюсь, это достаточно ясно.

1. Мальчиками Марсель Манциарли называет Дж. Кришнамурти и его брата Нитью.

2. Падре Пио (ум. 1968), итальянский католический святой, канонизирован Ватиканом в 2002 году. Юрий Рерих посетил Падре Пио во время путешествия с родителями по Италии.

Марсель Манциарли (слева)
и ее сестра Иоланта. Весна 1923 года

[Лондон], 5 июля 1923

Тилуль, мой мальчик,

Я рада, что вы покинули Виши и Лион, два места, наводящих тоску. Я знаю Лион — в этом провинциальном городе нет ничего интересного. Сейчас вы, должно быть, в Руане — как бы мне хотелось быть вместе с вами — это город, который я хотела бы увидеть. Уверена, что он красивый, мощный и, главное, великий.

Сегодняшний день провожу с мальчиками за городом. Нахожусь в очаровательном саду. Стоит сильная жара. Насколько тяжела атмосфера Лондона, вся Англия, даже в солнечные дни, хмура — я не смогла бы здесь жить. Я буду довольна, живя в деревне. Мне всегда кажется, что будущее полно радости и покоя, а потом, когда будущее становится настоящим, меня преследует та же тоска.

Не могу избавиться от безмерной душевной тоски — не знаю, откуда она приходит и почему она во мне. Быть может, это потому, что нынешней зимой я соприкоснулась через вас с вещами, находящимися вне обычной жизни, и эта ностальгия по Высшим Силам и порождает мою тоску.

Я так глубоко почувствовала Учителя, Он столько сказал нам через писания, а теперь это бесконечное молчание.

Я снова в большой нерешительности относительно моего отъезда в Индию. Мне кажется, что я еще не получила в Европе всего, что должна увезти с собой. И поскольку я не еду с вами, это немного ребячливо — уезжать одной. Для чего уезжать? С какой целью? Просто потому, что мне скучно и я хотела бы быть поближе, чтобы ваши письма быстрее ко мне доходили? По-моему, это не мудро. Я, конечно же, не останусь в Париже — я хотела бы поехать в какую-нибудь очень красивую страну и работать.

Еще одна вещь, которая заставляет меня опасаться Индии, это мое здоровье. Я чувствую себя весьма разбитой, весьма уставшей, и отправиться туда, где очень жарко, значит полностью свести к нулю мою работоспособность.

Как трудно распознать, какое решение будет верным.

Возможно, лучше подождать октября 1924 года для отбытия на Восток.

Самое плохое то, что никто не может дать мне совет. Если бы Учитель мог подать мне знак!

Я чувствую себя страшно одинокой в решении этого вопроса. Ма-ма пишет мне очаровательные письма, говоря, что я могу делать всё, что хочу — уезжать в Индию, оставаться, отправляться в Америку. Но что делать?

Совершенно очевидно, что провести еще целую зиму одной, вдали от тех, кого я люблю, будет тяжело — но я знаю, что зима пройдет быстро, я чувствую себя такой невежественной, мне еще столько надо выучиться — а как я смогу это сделать, если покину Европу.

Надеюсь, что все эти вещи прояснятся и всё пойдет так, как должно пойти — я верю в это.

Уезжаю отсюда 13-го и останусь в Париже до 18-го — затем отбываю в Вену до конца июля. Я еще не знаю своего венского адреса, но Вы можете писать мне на имя Джона Корда эсквайра, Терезиумгассе, 12, Вена IV.

Я почти не вижу мальчиков и немного скучаю.

Я хотела бы вновь увидеть вас, мой мальчик, — думаю, этим в немалой степени объясняется моя тоска. Пишите мне чаще, письма идут так долго. Я очень часто думаю о вас.

Ваша Ма

6

[Лондон], 9 июля 1923, понедельник

Мой мальчик,

Как вам везет, что вы в Риме и можете любоваться итальянскими примитивами. Живопись XIII, XIV, XV веков трогает меня больше всего и задевает в моей душе какую-то особую струну.

Я подолгу бродила в Национальной галерее и в галерее Тэйт. В Национальной галерее есть кое-какие итальянские примитивы — какая религиозность в них сквозит, какая вера, как чисты и неумелы мадонны на золотом фоне. Средневековье — решительно моя эпоха, я знаю, что жила в ней, — всякий раз, когда я оказываюсь перед картиной какого-нибудь художника-примитива, я вновь и вновь испытываю не только чувство восхищения шедевром, но чувство вроде того, какое возникает, когда ты слышишь запах духов, который тебе сам не знаешь, что напоминает. Религия и искусство — это две вещи, ради которых стоит жить, вне этого нет ничего великого.

Сейчас читаю книгу о Свами Вивекананде¹ — его письма, интервью, написанные им статьи. Какой великий человек и какая интересная жизнь.

Вижу множество очень интересных людей, махараджа из Алвара приходил на обед. Я была на грандиозном обеде, данном в новом Индийско-Британском Союзе. Индией занимаются много, но я всё же предпочла бы жить в деревне — мне нужно спокойствие и возможность углубиться в себя.

Вчера перечла нашу маленькую книгу², много думала об Учителе, много думала о вас — и ко мне вернулся покой. Мир огромен, но нужно рассчитывать только на самого себя — поступательное развитие зависит лишь от себя — но как трудно убить свою самость, как трудно жить, следуя своим принципам. И всё же весь мир открыт перед тобой.

Я буду так счастлива вновь увидеть вас. Осталось не так уж долго, еще несколько месяцев вы пробудете в Европе, затем вы отправитесь в ваше великое путешествие. А затем?.. Когда мы свидимся, где мы свидимся, как мы свидимся? Но главное — работать, идти вперед, верить.

Мой мальчик, вы далеко-далеко, я хотела бы увидеть вас, чтобы вновь обрести вас такого, какого знала, а не окруженного той стеною сдержанности, которая воздвиглась в ваших письмах и которая мешает мне писать вам так, как мне бы того хотелось.

Ваша Мара

1. Свами Вивекананда (1863-1902), индийский религиозный мыслитель и общественный деятель.

2. Речь идет о Парижском дневнике Юрия Рериха (1922-1923), содержащем записи сеансов с Учителем. Марсель Манциарли принимала участие в этих сеансах вместе с Юрием.

[18-20 июля 1923]

Мой мальчик,

Я нахожусь в «Ориент Экспресс» по дороге в Вену, нас здесь 12 человек, путешествующих вместе. Рада покинуть Францию и поехать, наконец, отдыхать в горы, спокойная и счастливая.

Получила ваше письмо из Флоренции. Какое великолепное путешествие вы, должно быть, совершаете, я понимаю, что вы страдаете от жары, но я многое отдала бы за подобную поездку.

Когда вы думаете вернуться в Париж? Я немного волнуюсь — Мари уехала до конца сентября, и я не думаю, что смогу вернуться раньше конца сентября.

Я очень, очень довольна, что путешествую самым комфортабельным образом с мальчиками, леди Эмили¹ и другими — они так милы со мной, не могу описать вам, насколько я им признательна. Завтра вечером в 11 часов мы прибудем в Вену. Изложу вам свое мнение о Венском конгрессе — я больше не верю, что конгрессы могут чему-либо служить, но полагаю, что не нужно обескураживать старания — можно разрушать, когда вами уже что-то создано, но в начале жизненного пути, думаю, надо с большой осторожностью осуждать что-либо.

Что мне очень интересно, так это увидеть Кришну за работой. Я слышала его выступление в Англии, он говорит очень хорошо, особенно, когда речь идет об Учителях. Нужно сказать также, что это моя чувствительная струна.

Юрий, ваше письмо помогло мне, как бы я хотела, чтобы молчание прервалось. Мне кажется, я обрету большой духовный опыт в Эрвальде — это место, где мы проведем лето.

Вена

Я всё же посылаю вам это письмо, написанное дрожащим почерком.

Вчера вечером мы прибыли в отменную гостиницу, огромные комнаты, чистые и уютные. Я наслаждаюсь каждой минутой нашего путешествия. Чувствую себя как рыба, которую пустили в свежую воду.

Мое первое впечатление от Вены было чудесным, атмосфера мне нравится чрезвычайно. Я вскоре увижу музыкантов и буду беседовать с ними о здешней жизни. Мне почти что хочется приехать сюда на будущую зиму и весну, поработать с новыми материалами, в новой обстановке и подождать маму, чтобы вернуться вместе с ней. Как хорошо чувствовать себя иностранкой и не говорить себе, что куда бы ты ни пошел, что бы ни делал, непременно столкнешься с людьми, которых знаешь, — а я так устала от знакомых.

Путешествие было восхитительным — все купе спального вагона были в нашем распоряжении, или почти все, потому что нас было 10. Еще прекраснее было то, что мы пересекали Тироль и с обеих сторон виднелись бесконечные заснеженные горы, чистые и высокие, — какая радость охватила меня при виде первых белых вершин!

Вчера вечером мальчики пели санскритские мантры — я не могу описать вам, насколько это было прекрасно. Во мраке, при голубом свете едва народившейся луны, Кришна, с неподвижным взглядом, со сложенными ладонями, в глубокой

С.Н. Рерих. Тимур и Улута. Эскиз

медитации, Нитья тоже, пели эти удивительные вещи — я внезапно почувствовала, что безмолвие скоро закончится, почувствовала ту же сильную радость, которую почти непрерывно испытывала в тот вечер, когда мы записывали послания. Это было так чудесно.

Мой мальчик, окружающее постепенно для меня проясняется — я начинаю видеть свой путь. Я верю. Но я не мыслю своего пути без вас. Через несколько лет, может быть, или в России, но мы будем жить вместе.

Получила письмо от мамы, она мне пишет, что ей приснилось, будто мое замужество — решенное дело. Ничего еще не решено, и всё же что-то мне говорит, что через какое-то время это произойдет. Возможно, я ошибаюсь. Но если это сбудется, сколько прекрасного мы должны будем совершить.

Я много думаю о вас и о вашем чудесном путешествии. Мне очень хотелось бы съездить в Италию, перед тем как покинуть Европу. И когда я думаю об этом моем вкусе к путешествиям, сравнивая его со своим странным пристрастием к спокойной жизни, я частенько вспоминаю фразу Учителя: «Пусть Мара знает кочевой быт»². Полагаю, что это и происходит.

Я часто спрашиваю себя, как и где вы вновь встретитесь с мальчиками. Как увлекательна жизнь.

Конгресс начинает работу сегодня после обеда. Я барахтаюсь в неуправляемом немецком языке, который никто не понимает и который очень меня развлекает.

Видите, мой мальчик, как заметно я воспряла духом. Не забывайте писать мне. Я еще не могу дать вам свой адрес, но сделаю это в следующий раз.

Думаю о вас с нежностью и буду очень-очень счастлива увидеть вас вновь.

Ваша Мара

1. Латьенс Эмили (1875-1964), член Теософского общества, познакомилась с Кришнамурти во время его первого приезда в Англию в 1911 году и была очень дружна с ним. Поддерживала тесные отношения с семьей Манциарли.

2. Марсель Манциарли цитирует запись из Парижского дневника Юрия Рериха: «Каждый на своем посту пусть служит делу Нашему. Пусть Мара создаст свое воспоминание о степях. Пусть Мара знает кочевой быт».

8

[Эрвальд, Австрия], 15 августа 1923

Спасибо за ваше письмо, мальчик, я давно его ждала.

Я сейчас в чудесном месте. Эрвальд — это широкая долина, окруженная снежными вершинами. Воздух чистый, дышится с наслаждением.

Много думаю об Учителях последнее время. В Кришне проявляется подобная духовность. Он изменился необыкновенным образом, и для него в самом деле не существует больше ничего, кроме работы, порученной Учителем, и подготовки к тому, чтобы однажды дать миру то, что он должен дать.

Всякий раз, когда думаю об Учителе, я обретаю вас в Нем. И всякий раз, когда думаю о вас, я думаю об Учителе. Я часто перечитываю вашу книжку¹ и думаю о тех вечерах, когда вы записывали послания и атмосфера была заряжена этой необыкновенной силой, подвластной вам.

Я так мечтаю развиться и стать действительно кем-то большим.

Начала оркестровую поэму — надеюсь, что смогу закончить ее здесь, но не уверена. Я серьезно думаю, что это будет неудача, мысли, которые хочу выразить, очень трудно переложить на язык музыки — а волны звучащей музыки сильно теряют, будучи выражены в физическом плане.

Я не хочу ехать в Зальцбург. Это довольно далеко отсюда, да и Трио мое исполнять не будут, а мне и вправду очень хорошо здесь.

С нетерпением жду обещанную книгу, благодарю, что позаботились послать ее. Я буду так рада увидеть вас, мой мальчик, постарайтесь вернуться в Париж не слишком поздно, чтобы я смогла с вами встретиться до вашего великого отъезда.

Пишите, когда сможете. И не забывайте меня.

Ваша Ма

1. Речь снова идет о Парижском дневнике Юрия Рериха (1922-1923), упоминаемом в предыдущих письмах.

9

25 мая 1924

Дорогой Юрий,

Я была так рада получить два ваших письма, особенно последнее. Ваши такие живые описания этих полных покоя монастырей в Гималаях перенесли меня туда, я сама очутилась среди монахов — слышу музыку, пение и в особенности этот про-

тяжкий ровный звук, когда дуют в раковину, который неотступно следует за мной как далекое воспоминание о моей кочевой жизни в Центральной Азии.

Рассказывала ли я вам, что нашла точное описание этого инструмента, который мне так хорошо знаком, в музыкальном словаре — с той поразительной деталью, что эта труба имела всего две ноты, которые тянули порой по четверти часа? Мне кажется, что я непрерывно слышу эту странную ноту, что она переплелась с моими радостями, с моим одиночеством в той срединноазиатской жизни.

Я определенно еду в Индию, в конце сентября или в начале октября. Мне остается провести на Западе не более трех месяцев, а затем — долгожданный отъезд. И как нарочно, весенний сезон — исключительно блестящий.

Менгельберг, главный дирижер голландского оркестра, приехал в Париж на гастроли со своими хорами первый раз за 12 лет! Его исполнение «Страстей по Матфею» Баха с объединенными хорами было незабываемо. Давно уже я не погружалась в атмосферу настоящего искусства — искусства чистого, религиозного — творимого музыкантами, которые не одним только рассудком руководствуясь вступили на музыкальный путь, как случается, увы, очень часто, особенно здесь, во Франции, но музыкантами, которые являются таковыми, потому что не могут быть никем иным, и их призвание — служение музыке.

Слушала также Первую и Девятую Симфонии Бетховена, равно незабываемые, и Реквием Форе.

Перед лицом таких грандиозных произведений, как эти, осознаешь, насколько редки умы, способные творить, в полном смысле слова, и дарить искру вечной жизни произведению, которое будет заново рождаться всякий раз, когда будет исполняться, и каждое исполнение которого будет откровением.

Но больше нет истинных художников — разум убивает гения.

Скоро приезжает Русский балет. Их программа состоит почти исключительно из современных французских произведений: Дариус Мийо, Сати, Орик, Пуленк. Жаль — Русский балет умирает и скоро умрет совершенно, если будет ставить только произведения подобного сорта. Но что сейчас в Европе не умирает?

Я рада поехать в Адъяр — мне нужен отдых, моральная разрядка, мне нужно пожить немного в своей семье — я устала быть всё время одна, среди чужих. В целом этот год был богат на разного рода уроки, но два последних года были трудными, и я чувствую необходимость отдохнуть. Как хорошо будет увидеть тех, кого любишь.

В июле поеду в Италию к Гуалино, на море, в августе вернусь, чтобы готовиться к отъезду, я живу этой мыслью.

Думаете ли вы поехать в Адъяр?

Я чувствую себя много-много лучше, и мои дела идут очень хорошо. Работаю, хотя и немного, потому что приближается лето и через месяц я поеду отдыхать.

Не тяните слишком долго с ответом, ваши письма очень интересны мне и доставляют удовольствие, с их помощью я могу следовать за вами.

Обнимите за меня вашу добрую мать, прошу вас.

С любовью, дорогой Юрий,

Мара

10

Теософское общество,
Адьяр–Мадрас, Южная Индия.
30 октября 1924, четверг

Мой мальчик,

Мы все в Адьяре, и мне кажется таким странным, что это письмо всего через несколько дней будет у вас и ему не нужно совершать долгого странствия.

Наше путешествие было великолепно: морская болезнь, капитан и его офицеры, позволяющие нам делать всё, что угодно, прибытие в Коломбо, где меня ждала мама, очарование Цейлона, где мы, к сожалению, оставались всего одну ночь и один день, путешествие с Цейлона в Адьяр — всё было удивительно.

Не могу выразить вам, как мне понравился Адьяр. Он большой и спокойный. Мы живем в просторном доме. Погода идеальная — тепло и легкий ветерок, постоянно веющий с моря. Так хорошо будет провести здесь зиму, и думаю, мне здесь будет очень хорошо работаться.

Я так счастлива при мысли вновь увидеть вашу мать и вашего отца в январе. А что будете делать вы?

Это письмо совсем короткое — надо еще столько сделать, чтобы обустроиться на новом месте, так что я напишу вам чуть позднее.

Как странна жизнь.

Шлю вам всю мою любовь.

Мара

11

5 декабря 1924, пятница

Мой мальчик,

Ваше письмо дошло до меня 17 ноября! Как бежит время, трудно представить себе, что прошло уже два года после улицы Лафонтен. Кажется, что это было гораздо раньше и гораздо позже. Как со временем упрощаются вещи, как ясно проступает их истинный смысл, когда ты можешь спокойно окинуть события мысленным взором, какую новую глубину они приобретают, становясь живой частью нас самих!

Уже год я вас не видела. Год, как у меня нет настоящего контакта с вашей мыслью. Вы так мало говорите о том, что вы делаете, о вашей внешней и внутренней работе, что мне приходится углубляться в саму себя, чтобы обрести прежнюю связь с вами. И тем не менее я уверена, я очень явственно чувствую, что наша встреча не должна была быть случайностью и ее значение гораздо глубже нашей интерпретации, я знаю, что между вами и мной, несмотря на продолжительное молчание, несмотря на годы и километры, нас разделяющие, связь останется.

Много всего было пережито. Что-то было вызвано непониманием, что-то произошло по ошибке, но действительно великие вещи остаются и не забудутся никогда. Связи между людьми рвутся легко и часто, но связь между душами, скрепленную общей идеей, одним идеалом, время не в силах уничтожить.

Я бесконечно радуюсь приезду вашей матери и жду ее с большим нетерпением, так же как и новости, которые она привезет.

Лично мне Адьяр нравится. Нахожу место очень красивым, и поскольку в данный момент все наши друзья тут, я очень счастлива. Здесь многое благоприятствует действительному внутреннему росту. Голова кружится при мысли о потерянном времени и о бесконечных возможностях. Дни ужасно коротки и плохо организованы в том смысле, что завтрак в 11 часов, единственный момент, когда можно заняться физическими упражнениями, — в 4 часа, то есть послеполуденное время потеряно. Я не способна работать в 2 часа, худшее время дня, жаркое и противное.

Расскажите мне о ваших походах в горы. Что интересного вы делали или видели? Сообщайте мне немного больше о своей жизни. Это становится смешным, письма всё более и более редкие, всё более и более пустые. Почему?

Саша¹ позавчера уехал в Пекин. Это так интересно, скоро для него начнется новая жизнь, откроются новые возможности на новом месте. Вероятно, первое время он будет чувствовать себя страшно одиноким. Но в одиночестве заключена большая сила.

Пишите мне, Юрий. И не говорите всякий раз, что вы не можете писать, потому что у вас много дел. Поднимитесь на полчаса пораньше. Когда есть желание что-либо сделать, это делается. А без этого не стоит и писать. Видите, какая я стала энергичная.

С любовью, дорогой Юрий,

Мара

Юрий, я так хотела бы, чтобы вы писали мне настоящие письма. Не думаете ли вы, что есть что-то фальшивое в этих коротких строчках, которыми мы обмениваемся. В которых так мало наших мыслей, а на первом месте события. Вы укрылись за такой баррикадой, что я не могу больше добраться до вас. Мне не хотелось бы, чтобы наша дружба окончилась лебединой песней. Часто перечитываю книгу Учителя и очень боюсь, что по необдуманности мы сомнем цветы, данные нам, чтобы мы их выращивали. Всё, что произошло между нами, слишком серьезно, чтобы рисковать замкнуться в самих себе и потерять духовный контакт друг с другом. И потом, для чего бы мы его потеряли?..

Я задаюсь вопросом, какое впечатление будет у ваших родителей от Адьяра, когда они прибудут сюда.

1. Александр, брат Марсель Манциарли.

Кханда Хауз, Фернхилл Нильгири.
22 марта 1925

Мой дорогой,

Мы все, за исключением Мимы, покинули Адьяр и находимся сейчас в горах Фернхилла по приглашению брата махараджи из Майсура, с которым ваш отец познакомился у нас в Адьяре.

Я до сих пор не могу привыкнуть к такому резкому переходу от сильной жары к холоду.

В Нильгири чудная атмосфера. Местность очень красивая и вдохновляющая — благоухающие эвкалиптовые леса голубого цвета, расцветающая мимоза, обилие зелени, которое напоминает вам, что вы в Индии. Потому что климат настолько европейский, что вы иногда забываете, где находитесь. Мы совершаем долгие прогулки, поднимаясь на холмы, постепенно перед нами на горизонте вырастают цепи гор, и повсюду ощущается присутствие Бога.

Я довольна, что приехала сюда, — это позволяет мне привести в порядок мою работу. Закончила концерт для фортепьяно с оркестром и думаю об оркестровой сюите о нашей Центральной Азии, но ее замысел еще не созрел до конца — она строится медленно, на воспоминаниях, впечатлениях, на задумчивости огромных зыбких равнин, на бескрайних горизонтах, на ржании коней и на возвращении Тимура, таком трудном и сладком — и таком стремительном.

Я так живо всё это представляю, и личность Улуты¹ мне так близка, что, кажется, у меня должно хорошо получиться это произведение. И потом, не сказаны ли были Учителем такие вдохновляющие слова о том, что мне надо писать и вспоминать, что это одно — достаточное основание, для того чтобы приняться за работу.

Но как долгод и сложен творческий труд, как тяжело давать жизнь чему бы то ни было.

Хочу приготовить три больших оркестровых произведения, чтобы привезти их во Францию и в Италию будущей весной, а затем ехать в Америку. Чувствую, что моя подготовительная работа подходит к концу и очень скоро я буду в состоянии действительно дать что-то.

Ваши письма так увлекательны, а работа представляет уникальный интерес. Когда вы уезжаете и на какое время? Я знаю, что вы на пороге большого-большого путешествия, и если бы вы только знали, как неотступно моя мысль будет следовать за вами.

Не оставляйте меня надолго без ваших писем.

Я думаю о вас.

Мара

1. Улута — любимая жена великого среднеазиатского завоевателя Тамерлана, упоминается в Парижском дневнике Юрия Рериха.

*Перевод с французского
Юлии Будниковой*

*Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк.
Автографы*